

Китайские народные сказки

Мимоза

Не знаю, в каком краю, не ведаю, в какие времена приключилась эта история. Да и не все ли равно? Может, далеко — там, где небо с землей сходятся. А может, близко — рукой подать. Жил некогда на свете юноша. Пригожий да статный. Каждый день ходил на реку рыбу ловить. И всякий раз старика там встречал. Сидит старик на берегу и тихо так приговаривает:

— Ловись, ловись, ловись! Ловись, ловись, ловись! Уходи, малая рыбка, приходи, большая!

Стал за ним юноша следить тайком да подсматривать. Рыбы, что побольше, все к старику плывут.

Не стерпел как-то юноша и говорит:

— Добрый дедушка! Научи меня рыбу ловить, как ты ловишь!

Поднял старик голову и отвечает:

— Не стану я тебя учить рыбу ловить. Парень ты, вижу, честный, иди лучше вдоль речки по берегу, ждет тебя удача.

Сказал так старик, тряхнул леской, только волны по воде забегали, а сам исчез.

Подивился парень и думает: «Не иначе, как старик этот — бессмертный шэньсянь. Послушаюсь-ка я его, пойду по берегу, может, и вправду удача меня там ждет». И пошел юноша по берегу. С полудня шел до вечера. Уже солнышко закатилось, звезды на небе загорелись, луна засияла. Вдруг видит юноша — заводь перед ним появилась большая, вся лотосами поросшая. И луна будто ярче стала. А может, не луна это, а лотосы так сверкают. Залюбовался юноша, загляделся, как вдруг видит — листья лотосов легонько зашевелились, цветы заколыхались. Сделал юноша шаг, да, видно, на зеленый лишайник наступил, поскользнулся и упал. А как поднялся на ноги и вокруг огляделся, места этого не признал. Звезды с неба на землю спустились, рассыпали свои огоньки по изумрудным тутам. Маленький домик в роще стоит, дверь приоткрыта чуть-чуть, в щель видно, как девица при лампе шелк ткет. На девице длинная юбка надета, будто темно-зеленый лотосовый лист в пламени лампы светится. В волосы, черные как воронье крыло, воткнут свежий бутон лотоса.

Подошел юноша к домику и спрашивает:

— Куда это я зашел?

Перестала девушка ткать, подняла голову и говорит:

— Не стану тебя обманывать. Забрел ты в Деревню лотосов, а я — Дева-лотос. Коль устал в дороге, в дом иди, отдохни.

Девушка и впрямь была хороша, будто лотос под луной. Обрадовался юноша, в дом вошел, а девица вымолвила слово, другое, опустила голову и снова ткать принялась. Да так быстро, что и не разглядишь, как она челнок под основу пропускает. Только серебряный наперсток белой дорожкой блестит. Молчит девушка, собрался юноша уходить — не удерживает, молча до дверей провожает. Ступил юноша шаг, ступил другой, огляделся — все исчезло, только заводь большая сверкает.

Стоит юноша и думает: «Никак это цветок лотоса феей оборотился. Вот бы мне такую бессмертную деву в жены взять».

Вернулся юноша домой, делать ничего не может, не лежит у него душа к работе. Не стемнело еще, а он уже к лотосовой бухте подался. Солнце никак не спрячется за горы, по воде золотые чешуйки рассыпало, залило багрянцем лотосы. С великим трудом дождался юноша темноты, смотрит — перед ним и впрямь Дева-лотос появилась. Ласковая такая, ласковее, чем вчера. Велела девушка юноше рваную куртку снять и давай ее чинить: стежок за стежком, стежок за стежком. Починила и юноше подала. А юноша поглядел на девушку и говорит:

— Я ведь один-одинешенек на свете!

Дева-лотос будто не слышит, голоса не подает, провожает юношу до дверей.

Вернулся юноша домой уже за полночь. Никак места себе не найдет: сядет — не сидится ему.

Встанет — опять нейдет. И побежал он снова к речке. Над речкой белый туман стелется, туфли от росы мокнут, А юноша бежит что есть мочи. Примчался к лотосовой заводи, когда уже птицы на

ивах запели. Солнце взошло, разогнало туман. Еще прозрачнее показалась юноше вода в заводи, еще чище листья лотосов, а по нежным лепесткам жемчужины-росинки перекатываются. Вокруг аромат лотосов разливается. Идет юноша вдоль заводи, смотрит — в середине цветов возвышается, самый большой, самый красивый. Стал юноша гадать: «Уж не этот ли цветок Девой-лотосом оборачивается?» Только подумал он так, смотрит — задвигался цветок и на воде откуда ни возьмись Дева-лотос появилась. Идет дева по волнам, только юбка длинная по ветру развевается. От радости забыл юноша, что перед ним фея, хотел удержать ее, чтоб под воду не ушла, но только было собрался протянуть руку, а дева уже на берегу стоит. И радуется она и печалится.

Говорит дева:

— Не хочет мой отец, чтобы я с простым смертным зналась. Никогда мы больше с тобой не увидимся.

Будто громом поразило юношу. Стоит он, с места не двинется, а потом заплакал, да так горько. Увидела девушка, как он горюет, как убивается, головой тряхнула и говорит:

— Если не ведаешь ты страха и нет у тебя, как говорится, «трех сердец и двух мыслей», давай убежим с тобой к самому краю неба на остров морской.

Еще слезы у юноши не просохли, а уже он заулыбался:

— С тобой везде мне радость — хоть в высоких горах, хоть в диких лесах.

Выдернула девушка из волос бутон лотоса, дунула на него — раскрылся цветок: на каждом лепестке жемчужина перекатывается, вокруг зеленого пестика тычинки-звездочки, как золото, блестят! Подняла девушка одной рукой цветок, словно зонтик раскрыла, другой рукой юношу за руку взяла, и полетели они в поднебесье. Белые облака их по спине гладят, орлы у них под ногами крыльями машут. Так высоко они летят да так быстро, что и описать невозможно. Ни с чем их не сравнишь, разве что с чудесной падающей звездой. Будто времени совсем мало прошло, а они уже на землю опустились, прямо в горное ущелье. Поглядел юноша под ноги — все травой поросло, а на траве камни разбросаны. Поглядел вокруг — высоченные горы друг на друга громоздятся.

Загрустил юноша, а Дева-лотос радуется:

— Я ткать стану, а ты охотиться, вот и будет у нас еда да одежда.

— А жить где будем? — спрашивает юноша.

— Не твоя это забота. Сменю я шелковую юбку на холщовую, не хуже тебя смогу сосновые ветви ломать да туты сажать.

Так и сделала девушка: скинула длинную зеленую юбку, бросила под ноги, полетела юбка, закружилась и стала тихонько на землю опускаться. Подвела девушка юношу к тому месту, где юбка опустилась. Смотрит юноша — вместо юбки заводь большая, как изумруд блестит. Посреди заводи домик стоит. К дому мостик перекинут. Перешли юноша с девушкой мостик, вошли в дом — просторно там и чего только нет: котел, чашки, ковшики, тазы, циновки, одеяла, утварь разная, даже ткацкий станок у стены стоит.

Утром юноша на охоту собрался. Выбежала Дева-лотос за ворота, вытащила из волос бутон лотоса, отдала его юноше и говорит:

— Возьми этот цветок, он защитит тебя от всяких гадов, от волков и тигров, от кровожадных барсов. Увидят они его — сразу убегут. Только смотри береги его, никому не давай.

Взял юноша цветок и в путь отправился. Карабкается он на восточные горы, а там зайцы и вправду человека не боятся, но разбегаются, фазаны не улетают. Наловил он фазанов и зайцев великое множество, в обратный путь собрался. Идет и видит — на горном склоне тутовый лес зеленеет. Подошел поближе, а это, оказывается, Дева-лотос тутовые ветви ломает, меж камнями втыкает. Не успеет воткнуть, а ветка уже в огромное тутовое дерево превратилась. Ломает дева сосновые ветки, отдыху себе не дает, ломает, меж камнями втыкает. Руки в кровь изранены, солнце лицо опалило.

Жаль стало юноше девушку, окликнул он ее:

— Пойдем домой, передохнем малость.

А дева знай смеется:

— Мы дом здесь поставим, хозяйством обзаведемся, вот я и хочу, чтобы протока эта большим озером стала, а на горах чтобы тутовый лес вырос.

Охотится юноша день, охотится другой, на третий взобрался он на западные горы. Смотрит — дикие кони табуном пасутся, целые стада диких коз прямо к нему бегут. Схватил юноша козу, вскочил на коня, поскакал домой. А дома на кане зеленый шелк лежит. Берет Дева-лотос кусок шелка, на траве его расстиляет, шелк тотчас в зеленую воду превращается.

Завечерело, а Дева-лотос все ткет да ткет свой шелк, ни рук, ни ног от усталости не чувствует. Пожалел ее юноша и говорит:

— Ночь скоро. Передохни малость.

А дева знай смеется:

— Мы дом здесь поставим, хозяйством обзаведемся, вот я и хочу, чтобы протока эта большим озером стала, а на горах чтобы тутовый лес вырос.

Прошел день, за ним другой, месяц кончился, другой начался. Неизвестно, сколько времени прошло. Наверно, много, потому что приметил юноша, что уже не так прекрасна Дева-лотос, как прежде. Не так блестят ее черные волосы. Розовое личико не так сияет. Спрашивает ее юноша:

— Не от работы ли да заботы состарилась ты рано?

Ничего не сказала Дева-лотос, только головой мотнула.

Отправился юноша однажды на охоту. С одной горы спустится, на другую взберется, из одного ущелья выйдет, в другое войдет. И добрался он до лощины по ту сторону горы. Поднял голову, огляделся — ни цветочка нигде, ни травинки, только пещера чернеет. Думал юноша, думал, смотрел, смотрел да и взобрался на гору. Взял лотос, который жена ему когда-то дала, и смело вошел в пещеру. Идет он, а в пещере все темнее становится, все мрачнее, да и кровью будто запахло. Вдруг откуда ни возьмись тигр выскочил, глаза — два фонаря, пасть разинута, того и гляди, бросится на юношу. Отпрянул в страхе юноша, цветок заветный тигру показал, из цветка того красный луч вырвался, тонкий и длинный, ну, прямо молния. Повернулся тигр, прочь побежал.

Пошел юноша дальше, идет, идет, вдруг навстречу ему стая волков. Хвосты длинные по земле волочатся, уши торчком. Окружили волки юношу. Отпрянул он в страхе, показал им заветный цветок. Вырвался из того цветка луч-молния. Опустили волки головы, повернули, наутек бросились. Пошел юноша дальше, идет, идет, вдруг видит — впереди светлее стало. Прошел еще немного, перед высокими воротами очутился. Распахнул ворота, смотрит — за воротами фонари яркие горят, свечи огнем полыхают. Кан стоит, на кане красавица. Лицо белое, губы алые, голос ласковый, вид приветливый. Заговорила красавица с юношей, вмиг с кана соскочила, навстречу кинулась. Вспомнил тут юноша Деву-лотос. Разве сравнишь ее с этой красавицей? Вошел во двор, сел на кан, поближе к красавице. А красавица щебечет, смехом звонким заливается, золотой бокал вином наполняет, на серебряных блюдах закуски подносит. Отведал юноша закусок с серебряных блюд, из золотого бокала вина выпил, красавица вокруг него так и вьется. И взял юноша ее себе в жены. В утехе да забавах не заметил, как три дня прошло, три ночи пролетело. А про доброту Девы-лотос совсем забыл. Сам радуется, а не думает, как тяжело сейчас на сердце у феи лотосов. Вот и четвертый день настал.

— Хочу я родных навестить, — говорит красавица, — да боюсь гадов ядовитых, тигров злых и кровожадных барсов.

Не стал тут юноша раздумывать. Да и зачем? Как говорится, трижды по семь — двадцать один.

Отдал он красавице цветок заветный. Эх! Только вышла красавица из дома, ворота за ней с грохотом захлопнулись и стало темным-темно. Вытянул юноша руку — наткнулся на камень, вытянул другую — опять камень. И под ногами камень. А за дверьми тигры рычат, волки воют. Вдруг камень под ногами зашевелился, да и над головой камни вот-вот обрушатся. Стал юноша кричать — никто не откликается, стал на помощь звать — никто не отзывается. Страшно стало юноше. Сел он у камня, пригорюнился.

А Дева-лотос о ту пору в доме сидела, шелк усердно ткала. Потом подняла голову, смотрит — на дворе уж полдень, а мужа все нет да нет. Заныло у девы сердце. Погадала она на пальцах и сразу все поняла: на земле час проходит, а в пещере день ночью сменяется. Значит, целых три дня милуется юноша с женщиной-оборотнем. Разгневалась дева, обидно ей стало, не знает, что делать: спасать его или не спасать. Вздохнула она тихонько, уронила две слезинки и решила: «Пусть он не хорош, а плох, все равно спасу ему жизнь». С быстротой ветра перебиралась она с горы на гору, из ущелья в ущелье. И наконец очутилась у северного склона той самой горы, где был заточен юноша. Хотела Дева-лотос в пещеру войти, смотрит — вход огромными камнями завален. Не стала она мешкать, забралась на самую вершину горы, сняла с пальца серебряный наперсток и бросила. Угодил наперсток прямо в камни, и раздвинулись они тихонько: ни искры не видать, ни грохота не слышать; ни узкой щели, ни широкого пролома. А только пробуравил серебряный наперсток колодец, круглый-прекруглый, глубокий-преглубокий — дна не видно. Гору ту громадную прямо насквозь пробил.

А юноша тем временем сидит в пещере, никак ему из нее не выйти, темно вокруг. Сожмет пальцы — кулака не видит. Разожмет — ладони не разглядит. Страшно ему, тоска его грызет. «Как же выбраться отсюда?» — думает юноша. И только он так подумал, светло стало в пещере, не успел моргнуть, а Дева-лотос тут как тут. Взяла она его за руку, за собой повела. Не успел юноша спины разогнуть, а уже на вершине горы очутился.

Дева наклонилась, серебряный наперсток подобрала, опять на палец надела. И в тот же миг колодец исчез, будто его и не было.

Стыдно юноше и тревожно. Не разгневалась на него фея, только слезы у нее из глаз закапали, и говорит она юноше:

— Не думала я, не гадала, что ты меня так обидишь! Не утаила я от тебя, что есть у меня два сокровища: этот наперсток — ключ, открывающий горы, да лотос. Возьму лотос в руки — могу по синему небу летать, воткну его в волосы — молодой навсегда останусь.

Только Дева-лотос это сказала, налетел на пещеру грозный вихрь. Женщина-оборотень его наслала. Схватила дева юношу за руку, и побежали они прочь от этого места. Теперь заветным цветком владела злая колдунья, и не было у Девы-лотос силы такой, чтобы ее одолеть. Вот и решила Дева-лотос завлечь колдунью к себе в ущелье. Недаром говорят: «медленный челн быстрого коня обгонит». Мчится дева — по стремнине плывет, юноша земли под собой не чувствует. А колдунья между тем нагонять их стала. Приблизиться не смеет, боится Деву-лотос, а юношу зовет: — Вернись!

— Смотри не оборачивайся, — наказывает Дева-лотос, — не то погибнешь!

А колдунья не унимается:

— Вспомни, юноша, как хорошо нам в пещере было! Как три дня мы миловались! Про мою красу вспомни!

Слушал юноша, слушал, к завертелось у него все в голове, закружилось. Не стерпел он, обернулся. А колдунья махнула платком, и ноги юноши сами к ней побежали. Призвала тут колдунья змею, села на нее верхом вместе с юношей и с ветром к пещере полетела.

Вздохнула Дева-лотос:

— Я ли не хотела тебя спасти! Я ли не старалась! Да все напрасно!

Спустя немного времени подошла Дева-лотос к пещере колдуньи. Смотрит — одежда валяется и кости возле пещеры разбросаны. Взяла Дева-лотос одежду юноши, подобрала его кости, закопала возле своей хижины.

Очень трудолюбивой была Дева-лотос. Днем шелкопрядов кормит, тутовые деревья сажает. А ночью при свете лампы шелк ткёт. Прошел год, другой, третий. Из тех сосновых веток, которые Дева-лотос в горах понатыкала, большие сосны выросли, из тутовых ветвей темно-зеленые туты поднялись — все горы вокруг зелеными стали. Зеленый шелк, который дева ткала, в сверкающее хрустальное озеро превратился. В темно-зеленой роще разноцветные бабочки порхают, на нежно-зеленом озере лотосы распускаются. И вот однажды увидела Дева-лотос, что на могилке возле ее хижины травинка выросла. Дотронулась до нее дева, а травинка застыдилась, свернула листочки и поникла.

Через несколько дней пришел на озеро рыбачить тот самый старик, которого однажды повстречал юноша. Дева-лотос рассказала ему все без утайки про то, что с ней приключилось. Ушел куда-то старик и вскоре принес девушке заветный лотос, который он отнял у колдуньи. Воткнула девушка в свои черные волосы лотос, снова заблестели волосы, прежней красотой засверкало личико. Собрал старик семена той зеленой травки и ушел в далекие горы. А на другой год весной зеленые травинки выросли повсюду: и в горных рощах, и у самого моря на прибрежных холмах, и даже в маленьких садах у домов. И назвали люди эти травинки застыдись-травой, или мимозой. По сию пору стоит только дотронуться до мимозы, а она уже свернула свои листочки и поникла. По сию пору ходят по свету люди, похожие на того юношу. Увидят новое и сразу забывают о старом. И не стыдно им!